

Аб 8Р
Г-411

Аб 8Р
Г-411

А. И. ГЕРЦЕН В РУССКОЙ КРИТИКЕ

СБОРНИК СТАТЕЙ

Издание второе, дополненное

*Вступительная статья
и примечания*

В. ПУТИНЦЕВА

Государственное издательство
ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
Москва 1953

ГЕРЦЕН-ЭМИГРАНТ¹

Герцен оставил Россию в январе 1847 года. Вначале он рассчитывал, повидимому, скоро вернуться на родину, но уже два года спустя он видит себя вынужденным надолго остаться за границей. Первая глава его книги: «С того берега», помеченная 1 марта 1849 года, носит характерное название: «Прощайте!»². Он говорит там, обращаясь к своим друзьям в России: «Наша разлука продолжится еще долго — может, всегда. Теперь я не хочу возвратиться, потом, не знаю, будет ли это возможно». Осенью следующего года обстоятельства сложились так, что его возвращение стало окончательно невозможным. «Одним утром» он получил через русского консула в Ницце бумагу, требовавшую, «чтобы такой-то немедленно возвратился, о чем ему объявить, не принимая от него никаких причин, которые могли бы замедлить его отъезд, и не давая ему ни в каком случае отсрочки»³. Герцен отказался последовать этому высочайше нетерпеливому приглашению, и с тех пор его «легальные» связи с далекой, но дорогой Россией были покончены навсегда. Жизнь эмигранта, — даже совершенно обеспеченного в материальном отношении, как это было с нашим автором, — всегда тяжела. Герцен признавался впоследствии, что предпочел бы ссылку в Сибирь скитальческой жизни за границей. Но историку русской литературы едва ли приходится жалеть о принятом Герценом решении. Можно почти с полной уверенностью сказать, что только при свободных условиях западно-

европейской жизни и только благодаря богатому запасу впечатлений, полученных им на Западе, Герцен мог сделать в нашей литературе то, что он сделал. В его лице наша общественная мысль, вынужденная цензурой наряжаться в одежду литературной критики, открыто и смело вошла, наконец, в область публицистики.

Прощаясь со своими русскими друзьями, Герцен писал в цитированной выше главе книги «С того берега»: «Я остаюсь здесь не только потому, что мне противно, переезжая через границу, снова надеть колодки, но для того, чтобы работать. Жить сложа руки можно везде; здесь мне нет другого дела, кроме *нашего* дела... Я здесь полезен, я здесь бесцензурная речь ваша, ваш свободный орган, ваш случайный представитель». Но, кроме этой роли бесцензурной речи передовых людей России, наш автор решил взять на себя еще другую роль. «Для русских за границей есть еще другое дело, — говорил он. — Пора действительно знакомить Европу с Русью. Европа нас не знает; она знает наше правительство, наш фасад, и больше ничего... Пусть она узнает ближе народ, которого отроческую силу она оценила в бое, где он остался победителем; расскажем ей об этом мощном и неразгаданном народе».

Выполнение Герценом первой из двух указанных нами ролей началось основанием в мае 1853 года вольной русской типографии в Лондоне и продолжалось изданием «Полярной звезды» и «Колокола». Вторая роль выполнена была им в целом ряде статей, брошюр, речей и открытых писем к выдающимся деятелям западно-европейской демократии. И там, и здесь Герцен обнаружил, по своему обыкновению, очень много ума, знаний, чувств и литературного таланта. Наша задача заключается в том, чтобы дать краткий очерк этой необыкновенно блестящей деятельности. И, повидимому, нет ничего легче, как исполнить эту задачу. Сочинения такого высокоталантливого человека, как Герцен, говорят сами за себя: умеете только цитировать их кстати, и читателю трудно будет оторваться от вашего очерка. Но беда в том, что *кстати* цитировать Герцена далеко не так легко, как это кажется на первый взгляд.

В его чрезвычайно блестящей литературной деятельности очень много парадоксального и даже противоре-

чивого. Чтобы разобраться в его парадоксах и противоречиях, необходимо глубоко проникнуть в ход его умственного развития. А чтобы с успехом сделать это, приходится касаться таких вопросов, которые не имеют прямого отношения к жизни и деятельности Герцена за границей. Пусть же читатель не сетует на нас, видя, что мы обращаемся и к этим вопросам.

I

Настроение Герцена в течение последних лет его пребывания в России было, несмотря на его природную страстишку (как выражался Белинский⁴) к веселым остромам, очень тяжелым. Мы видим это почти на каждой странице его «Дневника», относящегося к 1842—1845 гг. Вот, например, 11 сентября 1842 года он спрашивал в своем «Дневнике»: «Поймут ли, оценят ли грядущие люди весь ужас, всю трагическую сторону нашего существования? А между тем наши страдания — почка, из которой разовьется их счастье. Поймут ли они, отчего мы лентяи, отчего ищем всяких наслаждений, пьем вино и пр.?.. Отчего руки не поднимаются на большой труд? Отчего в минуту восторга не забываем тоски?.. О, пусть они остановятся с мыслью и с грустью перед камнями, под которыми мы уснем, мы заслужили их грусть! Была ли такая эпоха для какой-либо страны? Рим в последние века существования, и то нет». Двадцать второго числа того же месяца он пишет там же: «Высочайшее произведение русской живописи, разумеется, *Последний день Помпеи*⁵. Странно, предмет ее переходит черту трагического, самая борьба невозможна. Дикая, необузданная *Naturgewalt** с одной стороны и безвыходно трагическая гибель, всем предстоящая... Почему русско-го художника вдохновил именно этот предмет?» Ответ ясен: потому что в борьбе с «дикой, необузданной *Naturgewalt*» гибнут и гибли лучшие русские люди. Ввиду этого неудивительно, что в другом месте «Дневника» (от 10 апреля 1843 г.) мы встречаем такие строки: «Сегодня я читал какую-то статью о «Мертвых душах» в

* Сила природы (нем.).

«Отечественных» записках», там приложены отрывки. Между прочим, русский пейзаж (зимняя и летняя дорога); перечитывание этих строк задушило меня какой-то безвыходной грустью, эта степь — Русь так живо представилась мне, современный вопрос так болезненно повторился, что я готов был рыдать. Долог сон, тяжел. За что мы рано проснулись — спать бы себе, как все около. — Довольно!»

Когда русский человек находится у себя дома в таком тяжелом настроении, — и заметьте: по причинам не личного, а общественного свойства, — тогда легко понять, что он с удовольствием едет за границу. Герцен, почти с детских лет жадно внимавший рассказам о славных временах Великой французской революции, нетерпеливо рвался во Францию и больше всего, разумеется, в Париж. Описывая в 5-й части «Былого и дум» свое первое путешествие с семьей по Западной Европе, он говорит:

«Берлин, Кельн, Бельгия, все это быстро прореяло перед глазами; мы смотрели на все полурассеянно, мимоходом; мы торопились доехать, и *доехали* наконец... В Париже, — едва ли в этом слове звучало для меня меньше, чем в слове «Москва». Об этой минуте я мечтал с детства. Дайте же взглянуть на *Hôtel de ville**, на *café Foy*** в Пале-Рояле, где Камиль Демулен сорвал зеленый лист и прикрепил его к шляпе, вместо кокарды, с криком: *à la Bastille****

Дома я не мог остаться; я оделся и пошел бродить зря... искать Бакунина, Сазонова — вот *rue St.-Нопогё*. Елисейские поля — все эти имена, сроднившиеся с давних лет... Я был вне себя от радости!»⁶

Нельзя не сочувствовать радости, идущей из такого чистого источника; к сожалению, она оказывается весьма непродолжительной. Западная жизнь уже скоро начнет производить на Герцена весьма тяжелое впечатление. И чем дольше живет он за границей, тем более усиливается это впечатление. Он сам говорит о себе: «Начавши с крика радости при переезде через границу, я

* Городская ратуша.

** Кафе Фуа (франц.).

*** «К Бастилии!» (франц.)

окончил моим духовным возвращением на родину»⁷. К этому надо прибавить, что его духовное возвращение на родину имело для него огромное нравственное значение: оно, по его собственному признанию, спасло его на краю нравственной гибели. В чем же тут дело? Разве в России перестала господствовать «дикая, необузданная Naturgewalt»? Нет! Духовное возвращение Герцена на родину совершилось в такое время, когда господство этой Naturgewalt не только не прекратилось и не только не обещало скоро прекратиться, но достигло, можно сказать, наивысшей степени: в последние годы царствования Николая I. И в этом состоит одно из наиболее парадоксальных явлений духовной жизни Герцена. Очень нередко это парадоксальное явление объясняется неудачным исходом революционного движения 1848—1849 гг... Такое объяснение представляется на первый взгляд не только вероятным, но и прямо несомненным, потому что его придерживался сам Герцен. «Видя, как Франция смело ставит социальный вопрос, я предполагал, — говорит он, — что она хоть отчасти разрешит его, и оттого был, как тогда называли, *западником*. Париж в один год отрезвил меня — зато этот год был 1848-й. Во имя тех же начал, во имя которых я спорил со славянофилами за Запад, я стал спорить с ним самим» («Колокол», № 191)⁸. Но это свидетельство Герцена нуждается в весьма существенной поправке: «отрезвление» нашего автора началось на самом деле раньше 1848 года. И это обстоятельство имеет как нельзя более важное значение в истории его умственного развития.

Чтобы убедить читателя в справедливости наших слов, мы сошлемся на свидетельство того же Герцена. В одном из своих писем Бакунину он спрашивает его: «Помнишь наши долгие разговоры перед февральской революцией, в которых я, как прозектор, указывал рост смерти западного «старика», а ты с надеждой и упованием — рост едва обличившейся жизни славянского недоросля. Я в него не очень верил, а верил в одну Россию и ее социальные зачатки» (подчеркнуто Герценом; это письмо напечатано в «Колоколе» от 1 июля 1867 г.).

Вы видите: еще до февральской революции Герцен ведет с Бакуниным «долгие разговоры», в которых ука-

зывает на «рост смерти западного старика». Кажется, что мы уже тут видим перед собой довольно серьезное «разочарование в Западной Европе». И этому свидетельству Герцена вполне соответствуют некоторые места в его «Письмах из Франции и Италии». Так, например, в начале пятого письма он называет Париж единственным местом в гнущемся Западе, где широко и удобно гибнуть. В том же самом письме он, сравнивая русское село с западноевропейским, не знающим общинного землевладения, замечает: «Русского села в Европе нет. Смысл деревенской коммуны в Европе только полицейский; что общего между этими разбросанными домами, огораживающимися друг от друга? у них все особое, они связаны только общей межей; что может быть общего между голодными работниками, которым коммуна представляет le droit de glaner*, и богатыми домохозяевами? Да здравствует, господа, русское село — будущность его велика!»

Сделанные нами выписки заключают в себе, в кратком виде, те самые мысли о судьбе Запада и о значении русской общины, которые Герцен настойчиво проповедывал после 1848 года и возникновение которых объясняют разочарованием, причиненным революционными неудачами этого года. Мы не спорим: события 1848 года имели большое значение в истории умственного развития Герцена; но значение это не совсем таково, как обыкновенно думают.

Дело представляется нам в таком виде. Вырвавшись из России и попав в Париж, который тогда мог с гораздо большим правом, чем теперь, претендовать на имя «города-солнца», Герцен вскоре после первых восторгов начинает сомневаться в судьбах Франции, а с нею и всей Западной Европы, вследствие чего переезжает (осенью того же года) в Италию, чтобы стряхнуть с себя полученные во Франции тяжелые впечатления. В Италии, переживавшей тогда сильный политический подъем, его настроение становится несравненно более отрадным, а когда раздражается в Париже буря февральских дней, он опять спешит во Францию с новой верой в ее революци-

* Право собирать колосья, оставшиеся после жатвы (франц.).

онное призвание. Но уже 15 мая он видит, что республика, по его выражению, ранена насмерть, и с этих пор он идет от одного разочарования к другому вплоть до *coup d'état* * Луи Бонапарта, после которого ему остается только воскликнуть: «Vive la mort!» **⁹ И тогда к нему опять возвращаются с удвоенной настойчивостью те мысли о «росте смерти западного старика», которые он развивал еще до февральской революции в «долгих разговорах» с Бакуниным. Тогда же воскресает в нем старая вера «в одну Россию и ее социальные зачатки», сложившиеся у него, очевидно, не без влияния славянофилов еще во время пребывания его в Москве. Темная ночь реакции, покрывшая Европу после бонапартовского *coup d'état*, могла, конечно, только укрепить в Герцене мнение о «росте смерти старика». И мы в самом деле видим, что мнение это становится у него все более и более прочным до тех пор, пока Международное Товарищество Рабочих не вызывает в нем новой надежды на то, что и на Западе найдутся силы, способные решать «социальные вопросы». Но смерть не дает окрепнуть этой новой надежде.

II

Теперь спрашивается: что же, собственно, привело Герцена к безотрадной мысли о росте смерти «старика»? Мы упомянули о влиянии на него славянофилов. Но ведь были же, вероятно, в жизни Западной Европы такие явления, которые поддержали это влияние и позволили ему окрасить собою все социально-политические взгляды Герцена. Какие же это явления? Ответа на этот вопрос надо искать в его «Письмах из Avenue Marigny».

В четвертом письме (помеченном: Париж, 15 сентября 1847 г.) Герцен говорит: «Франция ни в какое время не падала так глубоко в нравственном отношении, как теперь. Она больна. Это чувствуют все, Гизо и Прудон, префект полиции и Виктор Консидеран».

Старик близится к смерти, потому что он болен. Это

* Государственный переворот (франц.).

** «Да здравствует смерть!» (франц.)

понятно. Однако в чем же состоит его болезнь? почему она неизлечима?

Болезнь состоит в том, что «большинство», — «народ, работники, чернь» — Герцен одинаково употребляет все эти выражения, — находится в полной зависимости от меньшинства, то есть от буржуазии. А в зависимость эту оно попало потому, что во время прошлых переворотов была упущена из виду «экономическая сторона, которая тогда еще не была настолько зрела, чтоб занять свое место». Последствия этой ошибки дают себя чувствовать во всех проявлениях общественной жизни Западной Европы вообще и во Франции — в частности. Нужно исправить эту ошибку. Но беда в том, что исправить ее некому. Социалисты? Они были сильны в критике и слабы в своих положительных программах. К тому же их не понимал народ, который, по словам Герцена, слишком поэт и слишком дитя, «чтобы увлекаться отвлеченными мыслями и чисто экономическими теориями». Утопические опыты нового хозяйственного устройства (фаланстеры, коммунистические общины и проч.) окончились неудачей. Герцен следующим образом объясняет их крушение.

«Попытки нового хозяйственного устройства, одна за другой, выходили на свет и разбивались о чугунную крепость привычек, предрассудков, фактических стародавностей, фантастических преданий. Они были сами по себе полны желанием общего блага, полны любви и веры, полны нравственности и преданности, но не знали, как навести мосты из всеобщности в действительную жизнь, из стремления в приложение»¹⁰.

Итак, вот каково было положение дел: социалисты видели причину зла и даже придумали более или менее удовлетворительные средства для его устранения; но они не умели навести мосты, ведущие из области теории в действительную жизнь; поэтому их идеалы остались неосуществимыми. Мы сказали, что, по мнению Герцена, тогдашние социалисты указывали «более или менее удовлетворительные средства» устранения общественного зла. Мы выразились так не без умысла. Дело в том, что ни одна из тогдашних социалистических систем не удовлетворяла вполне нашего автора. Он находил, что во всех построениях социалистов человек, освобожденный от нищеты, не становится свободным человеком, а

как-то теряется в общине. И это большой недостаток. «Понять всю ширину и действительность, понять всю святость прав личности, — говорит Герцен, — и не разрушить, не раздробить на атомы общество, — самая трудная социальная задача. Ее разрешит, вероятно, сама история для будущего, в прошедшем она никогда не была разрешена».

К формулировке этой задачи Герцен не раз возвращался и в последующих своих сочинениях. Но как ни велика была важность ее в его глазах, она все-таки имела для него лишь второстепенное значение. И потому мы не будем останавливаться на ней. Главной бедой тогдашней Франции, грозившей смертью всему ее общественному организму, он считал указанное выше противоречие между общественной жизнью, с одной стороны, и лучшими проявлениями общественной мысли — с другой. Это противоречие представлялось Герцену неразрешимым. Массы были глухи к голосу социалистов вследствие своего невежества, а невежество их являлось, в свою очередь, неизбежным следствием их нищеты. «Нет образования при голоде, — говорит Герцен, — чернь будет чернью до тех пор, пока не выработает себе пищу и досуг. А досуга не будет у нее, пока она останется невежественной». Герцен не видел выхода из этого противоречия и оттого считал положение «старика» безнадежным. Он писал: «Надежда у буржуазии одна — невежество масс. Надежда большая, но ненависть и зависть, месть и долгое страдание образуют быстрее, нежели думают. Может, массы долго не поймут, чем помочь своей беде, но они поймут, чем вырвать из рук несправедливые права, не для того, чтоб воспользоваться, а чтоб разбить их, не для того, чтоб обогатиться, а чтоб пустить других по миру».

Когда массы способны восстать только для того, чтобы пустить других по миру, а не для того, чтобы освободить себя, тогда можно не без основания опасаться за жизнь общественного организма.

Эта мысль, как видно, очень занимала Герцена в течение всего 1847 года. Мы встречаемся с нею не только в «Письмах из Avenue Marigny», но также в первой главе книги «С того берега», тоже написанной, как известно, еще до февральской революции (она помечена:

Roma, Via del Corso *, 31 декабря 1847 г.). Герцен говорит там, характеризуя трагическое положение своих мыслящих современников: «Беда в том, что мысль забегают всегда далеко вперед, народы не успевают за своими учителями; возьмите наше время, несколько человек коснулись переворота, который совершить не в силах ни они сами, ни народы. Передовые думали, что стоит сказать: «брось одр свой и иди за нами» — все и двинется; они ошиблись, народ их так же мало знал, как они его, им не поверили. Не замечая, что за ними никого нет, эти люди предводительствовали, шли вперед; спохватившись, они стали кричать отставшим, махать, звать их, осыпать упреками, — но поздно, слишком далеко, голоса не достанет, да и язык их не тот, которым говорят массы. Нам больно сознаться, что мы живем в мире, выжившем из ума, дряхлом, истощенном, у которого явным образом недостает силы и поведения, чтоб подняться на высоту собственной мысли».

В другом месте той же главы («Перед грозой»), представляющей собой род диалога, собеседник Герцена спрашивает: «Но кто же, по-вашему, прав? мысль ли теоретическая, которая точно так же развилась и сложилась исторически, но сознательно, или же факт современного мира, отвергающий мысль и представляющий так же, как она, необходимый результат прошедшего?»

На это Герцен решительно отвечает: «Оба совершенно правы. Вся эта запутанность выходит из того, что жизнь имеет свою эмбриогению, не совпадающую с диалектикой чистого разума. Я помянул древний мир, вот вам пример: вместо того чтобы осуществлять республику Платона и политику Аристотеля, он осуществил Римскую республику и политику их завоевателей; вместо утопий Цицерона и Сенеки — лангобардские графства и германское право».

Просим читателя обратить внимание еще на то, что уже в этой статье Герцен допускает возможность завоевания Россией Западной Европы в том случае, если эта последняя не сумеет справиться со своим «социальным вопросом». Но это мимоходом.

* Рим, Via del Corso — главная улица города, на которой жил Герцен.

...Причина герценова разочарования теперь рисуется перед нами с некоторой ясностью. Она заключалась в неумении разрешить антиномию между указаниями мысли и ходом жизни, между требованиями социалистического идеала и прозаическими данными западноевропейской действительности. Герцен говорит, что он не может отказаться от достигнутого им развития, не может не знать, что знает. «Наша цивилизация, — говорит он, — лучший цвет современной жизни, кто же поступится своим развитием?» Но именно эта невозможность покинуть раз достигнутую ступень развития и является источником страданий современного передового человека. Социалистический идеал мог бы явиться источником нравственного удовлетворения только в том случае, если бы у людей, им проникнутых, было бы какое-нибудь объективное ручательство за то, что он осуществится. А Герцен ни в чем не видит этого ручательства. Он говорит Галахову: «Нет причины думать, что новый мир будет строиться по нашему плану»... Несколько далее он, указав на невозможность покинуть достигнутую ступень развития, прибавляет: «Но какое же это имеет отношение к осуществлению наших идеалов, где лежит необходимость, чтобы будущее разыгрывало нами придуманную программу?»¹¹

Иначе сказать: *уже в 1847 году тогдашний утопический социализм перестал удовлетворять Герцена по той причине, что не заключал в себе теоретических данных, необходимых для разрешения антиномии между субъектом и объектом, между сознанием и бытием в ее применении к ходу исторического развития человечества.*

До какой степени доходила неудовлетворенность нашего автора, показывают его слова, обращенные к Галахову: «Вы ищите найти зная, а я ишу потерять его». К этому нечего прибавлять. При таком взгляде, естественно, приходили мысли о «росте смерти западного старика», и так же естественно было утешать себя надеждой на «социальные зачатки» России, которые годились для этой роли утешителей именно благодаря своей крайней неясности и неопределенности.

Чтобы дойти до такого состояния, нужно было пережить целую душевную драму. Мы видим теперь, что драма эта была пережита Герценом уже в первые месяцы его пребывания на Западе. Больше мы не будем возвращаться к этому предмету и взглянем на дело с другой стороны.

Мысль Герцена мучительно билась над вопросом о том, в чем заключается объективная необходимость осуществления наших идеалов. Это было в 1847 году, а может быть, также, хотя и в меньшей степени, и в последнее время его пребывания в России. Теперь мы просим читателя вспомнить, какой смысл имела умственная драма, пережитая Белинским в эпоху его знаменитого «примирения с действительностью». Как это показано нами (см. нашу статью о нем¹²), смысл этой драмы заключался в том, что Белинский, не удовлетворяясь «абстрактным героизмом», то есть отвлеченным идеалом, стремился понять действительность как закономерный процесс развития. *Mutatis mutandis* *, это — та самая задача, которую пытался решить Герцен лет около десяти спустя. Пользуясь выражением Белинского, мы скажем, что Герцен, подобно ему, стремился «развить идею отрицания», то есть убедить себя в том, что идея эта сама является необходимым продуктом общественного развития и что за ее осуществление в будущем ручается вся объективная сила этого последнего.

Когда Белинского мучила эта загадка сфинкса, Герцен, как видно, даже не подозревал возможности ее существования. Он пугал Белинского практическими выводами, будто бы непременно вытекающими из принятых тем теоретических посылок. Но не замеченная тогда Герценом загадка сфинкса привлекла к себе все его внимание, когда он попал за границу. Тогда и его стали пугать соображениями практического свойства; тогда и ему стали твердить, что его выводы идут на пользу реакции. Мы не знаем, заставило ли его это обстоятельство вспомнить о Белинском. Повидимому, нет. Но что в их положении была весьма значительная и достойная всякого внимания аналогия, это в наших глазах не подлежит ни малейшему сомнению.

* Изменив то, что следует изменить (лат.).

Герцен и Белинский разными путями в разное время и различным образом, — вследствие разницы в темпераментах и во внешних условиях, — подошли к одной и той же, чрезвычайно важной теоретической задаче: «развить идею отрицания» из объективных условий ее возникновения и тем самым найти объективное ручательство за то, что она восторгается...

Некоторые немецкие, а за ними и русские авторы видят преимущество Герцена перед Марксом в том, что он, в противоположность автору «Капитала», социализм которого имел под собой материалистическую основу, смотрел на «социальный вопрос» с идеалистической точки зрения. На самом деле это было не преимуществом, а слабостью Герцена, причинившей ему много тяжелых страданий. И Герцен сам смутно чувствовал, что источником таких страданий является именно идеалистический его взгляд на общественную жизнь. Споря с «романтиком» Галаховым, он боролся со своим собственным идеализмом. Ему не удалось победить его. Посмотрим, по какой причине.

IV

Уже в статье «Перед грозой» Герцен старается построить материалистическую теорию прогресса в противоположность идеалистическим рассуждениям Галахова на ту же тему. «Прогресс, — говорит он, — неотъемлемое свойство сознательного развития, которое не прерывалось; это — деятельная память и физиологическое усовершенствование людей общественной жизнью».

Почему же думает Герцен, что общественная жизнь ведет к физиологическому усовершенствованию людей? Между прочим, потому, что под ее влиянием происходит улучшение мозгового вещества. «Что вы улыбаетесь? — спрашивает он своего идеалистически-настроенного собеседника, — да, да, cerebrin улучшается... Как все естественное становится вам ребром, удивляет вас, идеалистов, точно так некогда рыцари удивлялись, что вилланы хотя и тоже человеческих прав. Когда Гете был в Италии, он сравнивал череп древнего быка с черепом наших быков и нашел, что у нашего кость тоньше, а вместили-

ще больших полушарий мозга пространнее; древний бык был, очевидно, сильнее нашего, а наш развился в отношении к мозгу в своем мирном подчинении человеку. За что же вы считаете человека менее способным к развитию, нежели быка?»

Это, несомненно, материалистическое соображение, напоминающее приведенные нами в другом месте по аналогичному поводу слова Фейербаха: человек есть то, что он ест (Der Mensch ist was er isst). И нельзя сомневаться в том, что стремление Герцена разделаться с историческим идеализмом в значительной степени подкреплялось переходом его в философии от идеалиста Гегеля (влияние которого очень сильно заметно еще в «Письмах об изучении природы») к материалисту Фейербаху. Но каких же последствий можно ждать в истории от того факта, — если это в самом деле факт, — что cerebrin улучшается? Понятно — каких! Благодаря улучшению cerebrina мозг лучше исполняет свою функцию мышления. А чем лучше он исполняет эту функцию, тем правильнее становятся понятия людей, тем более улучшаются их общественные отношения. Начав с материализма, мы, как видите, прямым путем приходим к тому историческому идеализму, согласно которому ход общественного развития определяется в последнем счете ходом развития человеческих понятий. Мы начали с того, что сознание обуславливается бытием, а пришли, незаметно для нас самих, к тому, что бытие (на этот раз общественное бытие людей) обуславливается сознанием. Попытка разделаться с идеализмом оказывается неудачной. И такая неудача — а она, несомненно, постигла Герцена — неизбежно ведет за собой целый ряд теоретических промахов. Вот некоторые из них.

Восставая против идеализма, Герцен продолжает смотреть на общественную жизнь с идеалистической точки зрения. В его глазах тот класс наиболее способен стать двигателем общественного развития, который накопил наибольший запас знаний. Но запас знаний у «черни» очень невелик. Поэтому Герцен и не верит в историческую самостоятельность народа. Он ждет такой самостоятельности лишь от некоторых слоев высших классов, от так называемой у нас теперь интеллигенции.

Но в тогдашней западноевропейской интеллигенции только сравнительно немногие люди (социалисты) задумывались о коренном переустройстве общественных отношений. Да и к этим, сравнительно немногим, людям Герцен относился, как мы видели, весьма критически; он находил, что они в своих построениях упустили из виду элемент личной свободы, а кроме того, — и это главное, — не умели «навести мосты» из сферы теории в область действительной жизни. Вся же остальная часть интеллигенции не доросла даже до постановки, а не только до решения социального вопроса. «Ни журнальная, ни парламентская оппозиция, — писал Герцен в 4-м письме из Авеюне Maligny, — не знают ни истинного смысла недуга, ни действительных лекарств». Междоусобная война, разразившаяся во Франции летом 1848 года, убедила Герцена в том, что «оппозиция», о которой он говорил в указанном письме, на самом деле очень недурно понимала смысл общественного «недуга», но отнюдь не хотела лечить его, так как его излечение противоречило бы интересам того общественного класса, к которому она принадлежала. В этом и заключалась, по мнению Герцена, главная причина того зстоя общественной мысли, той китайщины в западноевропейской общественной жизни, которые он так красноречиво оплакивал в своих письмах Тургеневу («Концы и начала»; писаны в 1862 г.) в статье о книге Милля «On liberty»* (писано в 1859 г.)¹³ и в целом ряде других сочинений. «Перед нами, — писал он, — цивилизация, последовательно развившаяся на безземельном пролетариате, на безусловном праве собственника над собственностью. То, что ей пророчил Сийес, и случилось: среднее состояние сделалось *всем* — на условии владеть *чем-нибудь*»¹⁴. Но если главная беда западноевропейского «старика» в самом деле заключалась в том, что успехи его *мысли* были остановлены известным складом его *жизни*, то выходило, что общественное *сознание* обуславливается общественным *бытием* и что пример Западной Европы опровергает основное положение исторического идеализма: «мнение правит миром».

Таким образом Герцен старается построить матери-

* «О свободе» (англ.).

алистическую теорию прогресса. Но эта теория не мешает ему держаться чисто идеалистического взгляда на ход западноевропейского общественного развития. В свою очередь, этот чисто идеалистический взгляд не помешал ему прийти к тому чисто материалистическому выводу, что на Западе ход идей определяется ходом вещей. Другими словами, Герцен постоянно переходил от одного объяснения истории к другому, прямо противоположному. И эти его постоянные переходы происходили совершенно незаметно для него самого. То же мы видим и в его рассуждениях о вероятной судьбе России. Он и тут охотно апеллирует к материализму. Когда Тургенев в своем письме к нему от 8 ноября 1862 года сказал, что мы, русские, «принадлежим и по языку и по природе к европейской семье, «genus europaeum»¹⁵, и, следовательно, по самым неизменным законам физиологии должны идти по той же дороге, он ровно ничего не возразил в принципе против такой ссылки на «физиологию». Он только заметил, что «физиология», наоборот, говорит в его пользу. Он писал: «Общий план развития допускает бесконечное число вариаций непредвидимых, как хобот слона, как горб верблюда. Чего и чего не развилось на одну тему: собаки, волки, лисицы, гончие, борзые, водолазы, моськи... Общее происхождение несколько не обуславливает одинаковость биографии»¹⁶. В *биологическом* смысле это было совершенно верно, хотя так же мало доказывало, что Россия ближе к социализму, нежели Запад, как и противоположное мнение Тургенева. Но из этих «физиологических», то есть, стало быть, материалистических, посылок Герцен немедленно делает чисто идеалистический вывод. «В «genus europaeum», — говорит он, — есть народы, состарившиеся без полного развития мещанства (кельты, некоторые части Испании, южной Италии и проч.), есть и другие, которым мещанство так идет, как вода жабам, — отчего же не быть и такому народу, для которого мещанство будет переходным, неудовлетворительным состоянием, как жабры для утки?»¹⁷ Это было равносильно тому утверждению, что общественное развитие данного народа объясняется свойствами его духа. Едва ли не излишне прибавлять, что утверждение это насквозь пропитано совершенно некритическим идеализмом.

К тому же Герцен допускал в своем споре с Тургеневым, что Россия, «вероятно, *пройдет* и мещанской полосой» (там же, то же письмо). Выходило так, что русский народный дух мог *сократить* прохождение России через фазу «мещанства», но не был достаточно силен для того, чтобы позволить ей миновать ее. Это, разумеется, не прибавляло ясности к мыслям нашего автора.

V

Но и это еще не все. В Западной Европе высшие классы не хотят социализма, потому что он противоречит их интересам. А как обстоит на этот счет дело в России?

Основав русскую типографию в Лондоне, Герцен писал, обращаясь к нашему дворянству: «Первое вольное русское слово из-за границы пусть будет обращено к вам». И это его слово не только советует дворянам «начать собой новую свободную Русь и полюбовно решить тяжелый вопрос с крестьянами», но и указывает им на социализм, очевидно, в надежде вызвать их сочувствие к нему. Герцен советует русским дворянам взглянуть на западных мещан, которые все потеряли своим тупым упорством и вместо общественного пересоздания подготовили общественное разрушение. Для большей убедительности он прибавляет, что предстоящий социалистический переворот не так чужд русскому сердцу, как прежние (то есть, по терминологии Герцена, чисто политические) перевороты. «Слово *социализм*, — пишет он, — неизвестно нашему народу, но смысл его близок душе русского человека, изживающего век свой в сельской общине и в рабочей артели. В социализме встретится Россия с революцией»¹⁸.

На Западе высшие классы восстают против «социализма и революции», которые противоречат их интересам. Там классовое бытие определяет собою классовое сознание. А в России? Там социализм и революция, очевидно, тоже не могли пойти на пользу дворянству. Стало быть, Герцен мог обратиться к нему с проповедью социализма и революции только в том предположении, что у нас дело происходит не так, как на Западе, то

есть, что у нас классовое сознание не определяется классовым бытием.

И это вовсе не описка. В своей речи, произнесенной в Лондоне 27 февраля 1854 года на международном собрании в память февральской революции, Герцен говорил, характеризуя Россию:

«Там вы встретите два зародыша движения: один сверху, другой — снизу. Один, — преимущественно отрицающий, разлагающийся, разъедающий, — рассыпается в малых кружках, но готов составить большой, деятельный заговор. Другой — более положительный, хранящий в себе почки будущего образования, — находится в состоянии дремоты и бездействия. Я говорю о молодом дворянстве и о сельской общине, которая представляет основную ячейку всей ткани общественной, животворящее начало славянского государства».

Так как, по теории Герцена, «дремлющая» русская община могла перейти в социалистическую форму лишь под влиянием западноевропейской революционной мысли, носителем которой должно было явиться у нас «молодое дворянство», то выходило, что от доброй воли этого последнего зависела вся судьба русского социализма.

Надо, впрочем, заметить, что, как видно из тех же слов Герцена, «молодое дворянство» сводилось в его представлении к «малым кружкам», готовым, правда, «составить большой, деятельный заговор».

Это значит, что Герцен рассчитывал на то, что дворянство даст элементы, необходимые для образования у нас революционной партии. Поведение дворянства в эпоху освобождения крестьян показало Герцену, что надежды, которые он возлагал когда-то на это сословие, были неосновательны. Тогда «молодое дворянство» заменилось в его схеме разночинным образованным «меньшинством», к которому и стал обращаться «Колокол» со своей проповедью социализма.

Редакция «Колокола» признавала, что это меньшинство очень слабо, но она утешала себя тем соображением, что, как выразился Н. П. Огарев, «христианство распространилось в мире посредством двенадцати человек, составляющих каждый несколько тайных обществ, тайных потому, что им надо было ограждать от пре-

следований»*. Это, конечно, тоже чисто идеалистическое соображение, совсем неубедительное с той точки зрения, на которую встал Герцен в своей критике утопического социализма: с этой точки зрения весь вопрос был именно в том, *каковы были объективные, коренившиеся в общественном «бытии», причины, обеспечившие победу христианских «тайных обществ».* Почему этим *обществам удалось «навести мосты из стремления в приложение».*

Если, разочаровавшись в утопическом социализме, Герцен стал находить основательным, хотя и нуждающимся в значительной переделке, славянофильское противопоставление России Западу, то он сделал это, повинаясь голосу правильного — по своему существу — теоретического инстинкта. Этот инстинкт напоминал ему, что доказать предмет значит раскрыть его необходимость и что «мысль предмета не есть исключительно личное достояние мыслящего: не он вдумал ее в действительность. Она предсуществовала, как скрытый разум, в непосредственном бытии предмета». Отсюда следовало, что социалистическая мысль только тогда может быть признана мыслью, имеющей серьезное общественное значение, если удастся доказать, что она не есть исключительное достояние социалистов, а существует, «как скрытый разум, в непосредственном бытии» общества, то есть служит сознательным выражением бессознательных общественных отношений. Русская община и представлялась Герцену той общественной формой, в «непосредственном бытии» которой социалистическая мысль объективно существовала как «скрытый разум». Это было, конечно, повторением славянофильской мысли о том, что у нас существует, как *факт*, то, что на Западе существует лишь в *идеале*. Но дело не в этом, а в том, что Герцен не остался верен до конца теоретическому инстинкту, побудившему его искать объективной опоры для социалистического идеала. Община еще не «социализм». Чтобы перейти в «социализм», она должна пережить более или менее длинный процесс развития. Если бы Герцен был верен указанному теоре-

тическому инстинкту, то он сказал бы, что община перейдет в социализм только в том случае, если в ней самой благодаря ее внутреннему складу найдутся силы, которые сделают такой переход объективно необходимым. Но он сказал нечто прямо противоположное. Он видел, что в самой общине нет сил, способных привести ее к социализму, и потому обратился за помощью сначала к молодому дворянству, а потом к образованному меньшинству. Он хотел найти для «сознания» опору в «бытии», а кончил тем, что поставил «бытие» в причинную зависимость от «сознания», то есть, в данном случае, от того же отвлеченного идеала социалистов, в котором он сам разочаровался именно потому, что убедился в бессилии мысли, не опирающейся на объективный процесс развития. Тут мы опять видим нелогичность, бессознательный переход от исторического материализма к историческому идеализму, делающий ошибочным все рассуждения нашего автора.

Дальше. В своем известном письме к Мишлэ («Русский народ и социализм») Герцен делает следующее интересное замечание: «Из всего этого вы видите..., какое это счастье для русского народа, что он остался вне всех политических движений, вне европейской цивилизации, которая, без сомнения, подкопала бы общину и которая ныне сама дошла в социализме до самоотрицания»¹⁹.

Теоретические ошибки имеют свою логику. Здесь логика теоретической ошибки привела *прогрессиста* Герцена к тому, что он стал считать благодетельным многовековой *застой* России...

Тургенев говорил по поводу пятого письма в «Концах и началах», что «оно, как все прежние, умно, тонко, красиво — но без выхода и применения» (см. его письмо к Герцену от 4 ноября 1862 г.²⁰).

Мы с своей стороны скажем, что все написанное Герценом о судьбах «западного старика» и об отношении русского народа к социализму было умно, тонко, красиво, но очень редко удовлетворяло тем теоретическим требованиям, которые он сам же, — под влиянием Гегеля, — предъявлял к социализму и которые заставили его разочароваться в *утопических* системах.

Огромный умственный труд, затраченный Герценом в его рассуждениях на эти темы, дает нам ясное понятие о

* «Колокол», № 108 (Окт. 1, 1861). Ответ на ответ Велико-русу — Н. Огарева. (Примечание Г. В. Плеханова.)

том, как сильно было в нем стремление найти для социализма *научную* основу.

А то обстоятельство, что он, при всей силе этого стремления, при всем богатстве своих дарований и при всей разносторонности своих сведений, все-таки не нашел такой основы, объясняется неудовлетворительностью его метода. Расставшись с идеалистическим «романтизмом», он вслед за Фейербахом перешел к материализму. Но в этом направлении он не пошел дальше того материализма, который назван у Маркса естественно-научным материализмом. Этот материализм отнюдь не исключает идеалистического объяснения истории, хотя и вносит в него те или другие, обыкновенно ровно ничего не объясняющие, физиологические соображения. «Естественно-научный» материализм вообще не мог справиться с историческим идеализмом; это мы видим как у Герцена с Чернышевским, так и у французских материалистов XVIII века. Да, наконец, и сам Фейербах очень грешил идеализмом в своих исторических воззрениях. Только Марксу и Энгельсу суждено было выбить идеализм из его последней позиции, положив главнейшие теоретические основы *исторического* материализма. Но замечательно, что идеи Маркса и Энгельса остались совершенно неизвестными нашему автору...

...Герцен был один из самых замечательных людей, выдвинутых замечательной эпохой 40-х годов. Он уступал Белинскому по логической силе ума, но превосходил его разносторонностью знаний и яркостью литературного изложения. Как политический публицист, он до сих пор не имеет у нас себе равного. В истории русской общественной мысли он всегда будет занимать одно из самых первых мест. И не только русской: когда будет, наконец, написана критическая история международной социалистической мысли, Герцен явится в ней как один из наиболее вдумчивых и блестящих представителей той переходной эпохи, когда социализм стремился сделаться «из утопии наукой».

Н. В. ШЕЛГУНОВ

1. Статья «По поводу одной книги» печатается по тексту «Сочинений» Н. В. Шелгунова, издание третье, СПб. 1904, т. II, стр. 424—442.

2. Статья написана в связи с выходом в свет анонимного сборника произведений Герцена «Раздумье (Разные вариации на старые темы)», М. 1870.

3. Шелгунов пересказывает далее содержание «Записок одного молодого человека» Герцена.

4. *M-me Proveau* (Елизавета Ивановна Прово), *m-r Voucho* (Бушо), *Карл Карлович* (Иван Иванович Эжк), *Василий Евдокимович* (студент Иван Евдокимович Протопопов) — воспитатели Герцена, выведенные им в «Записках одного молодого человека».

5. Цитаты из главы «Юность» «Записок одного молодого человека».

6. «несколько замечаний об историческом развитии» — статья Герцена «Несколько замечаний об историческом развитии чести» (написана в 1843 г., опубликована в кн. 4 «Современника» за 1848 г.).

7. Статья Герцена «Гофман» (впервые опубликована в 1836 г. в журнале «Телескоп», кн. 10).

8. Имеется в виду драма Арну и Фурнье «На восемь лет старше», о которой Герцен пишет в своей статье «По поводу одной драмы» («Капризы и раздумье». I. — «Отечественные записки», 1843, кн. 8).

9. Под статьей «Капризы и раздумье» Шелгунов подразумевает перепечатанную в сборнике «Раздумье» вторую статью этого цикла «По разным поводам» (впервые была напечатана в «Петербургском сборнике», 1846).

10. Из статьи первой цикла «Дилетантизм в науке».

11. См. примечание 10-е.

12. Шелгунов цитирует «Письма из Avenue Marigny» (письмо второе).

Г. В. ПЛЕХАНОВ

1. Статья «Герцен-эмигрант» первоначально вошла в «Историю русской литературы XIX века», изд. т-ва «Мир», М. 1909, т. III, стр. 131—159.

Отрывки приводятся по «Сочинениям» Г. В. Плеханова, Гиз, М.—Л. 1926, т. XXIII, стр. 414—445.

2. Статья «Прощайте!», ошибочно называемая Плехановым первой главой «С того берега», представляет собою послание Герцена своим московским друзьям, в первом русском издании (1855) была предпослана основному тексту книги.

3. См. «Былое и думы», часть V, глава XL.

4. См. письмо Белинского к Герцену от 6 апреля 1846 г., стр. 82 настоящего сборника.

5. «Последний день Помпеи» — знаменитая картина русского живописца К. П. Брюллова (1799—1852).

6. Из главы XXXIV части V «Былого и дум».

7. Из предисловия Герцена к второму изданию «Писем из Франции и Италии» (Лондон, 1858).

8. Плеханов цитирует «Письма к противнику», 1864 (письмо первое).

9. См. «Былое и думы», часть V, глава XLII, и «Письма из Франции и Италии» (письмо четырнадцатое, 31 декабря 1851 г.).

Переворот Луи Бонапарта, объявившего себя императором Наполеоном III («Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта» — К. Маркс), произошел 2 декабря 1851 г.

10. Здесь и далее — цитаты из «Писем из Avenue Marigny» (письмо четвертое, сентябрь 1847).

11. «С того берега», глава «Перед грозой», написанная в форме «разговора на палубе»; в лице собеседника Герцена выведен бывший член его московского кружка И. П. Галахов (см. о нем в главе XXIX части IV «Былого и дум»).

12. Плеханов ссылается на свою статью «В. Г. Белинский» во втором томе «Истории русской литературы XIX века» («Мир», М. 1910, стр. 227—269). См. также «Сочинения», т. XXIII, стр. 121—167.

13. Статья «Джон Стюарт Милль и его книга «On liberty», о которой пишет Плеханов, вошла в часть VI «Былого и дум» (первоначально была опубликована в «Колоколе», л. 40—41, от 15 апреля 1859 г.).

14. «Концы и начала», письмо второе (1862).

15. См. «Письма К. Дм. Кавелина и Ив. С. Тургенева к Ал. Ив. Герцену», Женева, 1892, стр. 170 и сл.

16. Цитата из письма восьмого цикла «Концы и начала» (январь 1863).

17. См. примечание 16-е.

18. Цитаты из статьи Герцена «Юрьев день! Юрьев день! Русскому дворянству!» (1853).

19. Письмо Герцена к Мишле «Русский народ и социализм», цитируемое Плехановым, написано в сентябре 1851 г.

20. См. «Письма К. Дм. Кавелина и Ив. С. Тургенева к Ал. Ив. Герцену», стр. 169.

21. Речь на могиле А. И. Герцена в Ницце (7 апреля 1912 г., по случаю 100-летия со дня рождения Герцена) приводится по названному изданию «Сочинений», т. XXIII, стр. 453—457.

22. Цитата из «Романтической школы» Гейне (книга первая, 1832—1833).

23. Плеханов имеет в виду главу «Старые люди» из «Дневника писателя» за 1873 г. («Гражданин», 1873, № 1).

24. Статья «Vivat Polonia!» («Да здравствует Польша!») была опубликована в «Колоколе», л. 94, от 15 марта 1861 г., «Mater dolorosa» («Матерь скорбящая») — в «Колоколе», л. 97, от 1 мая 1861 г., «Resurrexit!» («Она воскресла!») — в «Колоколе», л. 155, от 1 февраля 1863 г.

25. Неточная цитата из «Писем к противнику» (письмо третье, 1864).

26. Письмо к И. С. Аксакову от 6 апреля 1867 г. У Герцена — «не блудными детьми России» и далее: «требующими не оправдания, не прощенья...» («Колокол», л. 240, от 1 мая 1867 г.).

27. Из статьи «1831—1863» («Колокол», л. 163, от 15 мая 1863 г.).

М. ГОРЬКИЙ

1. «История русской литературы» М. Горького дошла до нас в виде черновых конспектов лекций на о. Капри в 1908—1909 гг. Текст отрывков приведен по изданию: М. Горький. «История русской литературы», Гослитиздат, М. 1939 (стр. 165—170, 182—183, 200, 205—210, 253—254).

2. Далее, после слов: «Но — вот какая картина развернулась пред ним, когда он явился в свой город, чтобы баллотироваться», — следует большая цитата из главы I части II «Кто виноват?», опускаемая в настоящем издании.

3. Запись в дневнике Герцена от 26 июня 1843 г.

4. Горький неточно датирует «Доктора Крупова»: повесть была закончена Герценом в феврале того же 1846 г.

5. Далее следуют две цитаты из повести Герцена.

6. Горький, очевидно, имеет в виду статью Н. С. Русанова «Западный социализм и «русский социализм» Герцена» в «Русском богатстве», 1909 г., кн. VII—VIII.

7. Строки из поэмы Н. А. Некрасова «Саша».

8. Из письма К. Маркса к Л. Кугельману от 12 октября 1868 г. (К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XXV, стр. 534).

СОДЕРЖАНИЕ

В. Путинцев. «Наследие Герцена и русская критика» 3

В. И. ЛЕНИН О ГЕРЦЕНЕ

«Памяти Герцена»	49
«Роль сословий и классов в освободительном движении»	56
«Из прошлого рабочей печати в России»	58

ГЕРЦЕН В РУССКОЙ КРИТИКЕ

В. Г. Белинский

«Русская литература в 1845 году»	63
«Взгляд на русскую литературу 1847 года»	64
Из писем В. Г. Белинского	77

Н. Г. Чернышевский

«Очерки гоголевского периода русской литературы»	85
«Стихотворения Н. Огарева»	99

Н. А. Добролюбов

«Что такое обломовщина?»	105
«Литературные мелочи прошлого года»	120
Из дневника и писем Н. А. Добролюбова	123

<i>«Русский человек»</i>	
«Письмо из провинции»	125
Д. И. Писарев	
«Схоластика XIX века»	131
«Базаров»	132
[«Глупая книжонка Шедо-Ферроти...»]	138
«Пушкин и Белинский»	146
Н. И. Сазонов	
«Литература и писатели в России. Александр Герцен»	148
А. К. Шеллер	
«Кто виноват? (По поводу романа того же названия)»	159
Н. И. Огарев	
«Памяти Герцена»	176
«К читателям»	178
В. А. Зайцев (?)	
«А. И. Герцен. Несколько слов от русского к русским»	179
Н. В. Шелгунов	
«По поводу одной книги»	198
Г. В. Плеханов	
«Герцен-эмигрант»	222
«Речь на могиле А. И. Герцена в Ницце 7 апреля 1912 г.»	243
М. Горький	
«История русской литературы»	248
А. В. Луначарский	
«Александр Иванович Герцен»	258
«А. И. Герцен и люди сороковых годов»	270

РУССКИЕ ПИСАТЕЛИ О ГЕРЦЕНЕ

Н. В. Гоголь	291
И. А. Гончаров	291
И. С. Тургенев	292

Т. Н. Грановский	295
А. К. Толстой	296
Н. А. Некрасов	297
Л. Н. Толстой	297
ПРИМЕЧАНИЯ	299
Приложение	330

17974

П. 1958 г.
ФРТ № М-3858/20

57

67.

№. 99

2004

2015

2024